

Формирование литературной репутации А.П. Чехова в России рубежа XIX – XX веков

Лия Бушканец^{*}

Доцент, Казанский Федеральный университет.
Казань, Россия.

(дата получения: май 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

Статья посвящена одному из аспектов формирования прижизненной литературной репутации А.П. Чехова. Несмотря на то, что его литературная судьба кажется легкой и простой «историей успеха», на самом деле обретение славы Чеховым – история сложная, в которой сыграли свою роль многочисленные факторы: литературный, внелитературные, исторические, особенности социальной психологии интеллигентного читателя и пр. Некоторые из этих факторов отразили закономерности литературного процесса, в некоторых проявилась роль случая. Центральным в формировании литературной репутации этого писателя был конфликт между профессиональной критикой и интеллигентным демократическим читателем – именно последний определил вопреки мнению критики славу Чехова. Для того чтобы понять этот процесс необходимо обратиться как к источнику не только к литературно-критическим материалам конца XIX в., но к источникам самым разнообразным, выявляющим настроения читателя и не вводившимся ранее в литературный оборот: газетным эссе, письмам читателей к Чехову, газетным пародиям и фельетонам и пр. Анализ формирования литературной репутации Чехова в аспекте указанного конфликта ранее не обращал на себя внимания исследователей.

Ключевые слова: А.П. Чехов, литературная репутация, литературная критика, роль читателя в литературном процессе.

---

* E-mail: lika_kzn@mail.ru

Введение

А.П. Чехов и его критики – проблема, которой посвящено множество работ, появившихся как при жизни Чехова, так и сразу после его смерти. Уже в 1900–е гг. утвердилась мысль о том, что Чехов пережил «обиду непонимания» и что критика чуть ли не травила писателя. Несмотря на то, что отдельные критики высказали о писателе весьма точные и меткие наблюдения, в целом практически вся современная ему критика утверждала, что Чехов – неплохой, талантливый автор, но явно не гений. И тем с большим недоумением критики реагировали на огромную, ни с чем не сравнимую издательскую славу А.П. Чехова, при появлении которого в театре публика устраивала овации, рассказ которого обеспечивал тираж журналу, а дамы дарили букеты роз во время его прогулок по набережной Ялты.

Именно поэтому во многих мемуарах, в прижизненной и посмертной критике и других обсуждался вопрос о том, была ли слава писателя случайностью или закономерностью, достоин ли он этой славы. Среди тех, кто склонялся к тому, что слава досталась писателю незаслуженно, были такие авторитетные в России люди, как издатель газеты «Новое время» А. Суворин, писательница и критик символистского направления З. Гиппиус, известнейший критик Н. Михайловский и многие другие. Когда и почему прозвучал этот вопрос и почему на протяжении нескольких десятилетий с конца 1880–х гг. по 1910–е он был одним из самых насущных для абсолютного большинства пишущих о Чехове – важнее даже, чем вопросы, связанные с особенностями его творчества?

Основная часть

В конце 1880–х гг. по отношению к Чехову доминировало представление о том, что у него большое будущее и что его талант будет развиваться в «нужном» направлении. Правда, как отмечала Е.М. Сахарова, «начиная с 1887 г. свое мнение о Чехове спешили высказать представители самых разных лагерей и направлений, причем имя его часто использовалось ими в групповых

интересах, с очевидным стремлением зачислить талантливую и популярную писателя, без должных на то оснований, в свои единомышленники» – малая пресса считала Чехова прежде всего юмористом, либеральная критика писала о том, что Чехов все же ставит «серьезные вопросы», а Буренин использовал Чехова для выпадов против либеральных журналов (Цит. по: Чехов Сочинения 1976. 620). И в то же время критиков всех направлений объединяли большие сомнения: почему читатель взахлеб зачитывается произведениями «наблюдательными», скучными, лишенными гражданственности, даже циничными (См.: Михайловский 1890; Перцов 1893, статьи Р.А. Дистерло, К.П. Медведского и др.), хотя, как писала в 1890 г. издательница журнала «Северный вестник» А.М. Евреинова редактору Б.Б. Глинскому: «Он один способен дать 1000 подписчиков; я это не преувеличиваю, а твердо верю и знаю» (Цит. по: Чехов Сочинения 1977. 614).

Но исследователи практически не обращали внимания на один важный аспект: а кто были те критики, мнение которых было по отношению к писателю особенно авторитетным? Это были не просто «профессиональные читатели», но люди, претендовавшие на роль его старших друзей. Во второй половине 1880-х гг., Чехов гордится отзывами критики и прислушивается к ним. Он, по собственному признанию, «врасплох захвачен славой», чувствует необходимость как можно полнее оправдать доверие его таланту, а внимание известного писателя Д. Григоровича, издателя А. Суворина, критика Н. Михайловского, общественного деятеля и писателя В. Короленко и многих других вызвало в нем самокритику, желание воспитать себя как писателя. Именно эта критика подняла самосознание Чехова и внушила ему высокие представления о его таланте.

Эти «литературные друзья» оказались в связи с Чеховым сложной ситуации.

Во – первых, ситуации социокультурной. Еще в 1880-е гг. профессиональная направленческая критика обладала безусловным авторитетом в обществе, и проблема «литература и общество» решалась как

проблема «литература и профессиональные читатели – интеллектуалы», чье мнение оказывалось безусловным – широкая публика подчинялась и принимала их выводы. Между тем само понятие «общество» исторически изменчиво. Поскольку, по мнению Л.Гудкова, Б.Дубина и В.Страда, на определенном этапе складывается сеть «социальных и культурных посредников» между литературой и читателями, которые считают себя ядром культуры, они определяют «великих» и «невеликих» писателей, претендуют на представительство всей национальной культуры и представляют литературу как замену общественного мнения (Гудков, Дубин, Страда 1998. 27 – 29). Именно так понимала себя часть русской интеллигенции, считающая себя элитой и выражавшая свое мироощущение и мировоззрение в направленной профессиональной критике. Почти параллельно (с отставанием всего на несколько десятилетий – а не на большой промежуток времени, как это необходимо для правильного проживания обществом социокультурных явлений) развиваются в России черты общества нового типа: литература адресуется теперь не элите, а массовой публике, то есть каждому человеку, она уже не нуждается в посредниках – интерпретаторах. В этой ситуации традиционная авторитарная литературная критика объявляет читательское мнение «низовым». Критика сама растерялась от того, как изменилось ее положение: неоднократно высказывалось мнение о том, что уровень критики значительно вырос, однако влияние ее на общество упало, многие говорили о «кризисе критики». Но произошла не только «эмансипация читателя», критика потеряла доверие и со стороны художника.

Во – вторых, это была ситуация сложная с точки зрения социально – психологической. Российская интеллигенция выработала особый язык, на котором она разговаривала о жизни и о литературе. Как отмечала З. Гиппиус, в России «мысли в жизни заменены «вопросами» (например, «вопросом о мужике») <...> Чеховым привыкли восхищаться, но его не любят. Он до сердца не доходит, назревших «вопросов» не затрагивает, а если затрагивает, то все–таки чересчур чисто. Горький – другое дело. Он «в самый центр»

попал, а в его произведениях есть и мужик, и интеллигент, и возмущение порядками, и бесшабашная «русская удаль», и слезы, и кураж подвыпившего рабочего» (Гиппиус 1900. 85-87). Эту слабость живого чувства в критике этого типа хорошо чувствовал и Чехов. Впрочем, он чувствовал в интеллигенции 1880-х гг. слабость любви не только к литературе, но и к жизни как таковой. П.Д. Боборыкин вспоминал: «Его как художника (да и как человека) всегда мало привлекали типы крайнего политико-социального и даже народнического лагеря. После своей поездки на Сахалин он рассказывал мне в шутовском тоне, как его среди ссыльнокаторжных гораздо больше интересовали экземпляры уголовных преступников, махровые продукты нравственного извращения, особенно интеллигентов, чем те «политические», каких он находил на Сахалине. «Ведь наперед знаешь, о чем и в каком тоне такой политический будет говорить с вами. А у каждого крупного экземпляра уголовного преступника есть своя физиономия, свой тон и язык, своя психика». Это вполне понятно. Художник-бытописатель не мог иначе оценивать обитателей Сахалина» (Боборыкин б.г. Лл. 7-8). Поэтому очень многие профессиональные критики признавались в том, что Чехов им чужд, но они пишут о нём, поскольку это крупное литературное явление – И.Б. Ничипоров назвал это чувство «ревнивой заинтересованностью» (Ничипоров 2005. 8), оно проявлялось в статьях в явно выраженном тоне раздражения. Например, В. Брюсов писал: «Чехова я лично не знал и никогда не мог мыслить о нем иначе, как в форме отвлеченных суждений. Сознаюсь даже, что я – вполне сознавая художественное значение его творчества – никогда не увлекался им. Я чтил Чехова больше с холодным уважением, чем с настоящей любовью. Есть, должно быть, в нем что-то чуждое, враждебное самой сущности моей души» (Брюсов 1960. 177). Под этой фразой с удовольствием бы подписались десятки критиков. «Теперь в заключение несколько слов о Чехове – художнике. В писаниях его меня всегда поражала одна черта: четкость и уравновешенность восприятия. Особенно я стою на этой уравновешенности. Вещи воспринимались им, какие они есть в реальности,

без малейших преувеличений в ту или в другую сторону. Воспроизводимое у него геометрически соответствует мгновенной действительности. Оттого в произведениях А.П. Чехова нет больших величин, ничего монументального, ничего преображенного пластической рукою Хроноса. <...> У этих гигантов русской письменности уравновешенности нет. Она была у Чехова и предопределила его литературный путь. Честный отказ от философии и зеленеющее художественное восприятие в душе – ничего другого. Как прекрасен Чехов в своих письмах, особенно с пути, из Сибири, из Вены, из Рима, где прелестно и непринужденно изливается дикарское ощущение мирового величия. В Риме Чехов мечтает о том, чтобы поваляться на травке. Тут поблизости римский форум, арки, акведуки и термы, но пластический Хронос не опочил на них для юного варвара, и опять ему грезятся дальние города с крынками молока, с ситным хлебом и с грудастыми бабами», – писал критик А. Вольнский (Вольнский 2011).

В-третьих, ситуация оказалась сложной с «педагогической» точки зрения: Чехов не был покорным учеником. Внутреннее чувство независимости, сила таланта, осознание внутренней логики своего развития и смелость охраняли Чехова от чужих влияний – постепенно желание соответствовать ожиданиям критики перестало быть важным для внутренней самооценки Чехова. Если во время работы над «Степью» он писал ряду своих корреспондентов, что если он и взялся за большую вещь, которая ему, быть может, не совсем удалась, то в этом виноваты именно они, то уже в 1889 г. он писал Суворину: «Я рад, что 2–3 года назад я не слушался Григоровича и не писал романа! Воображаю, сколько бы добра я напортил, если бы послушался. Он говорит: «Талант и свежесть всё одолеют». Талант и свежесть многое испортить могут – это вернее. Кроме изобилия материала и таланта, нужно еще кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость – это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу» (Чехов Письма 1976. 132–133).

В результате в отзывах критиков, в откликах литературных наставников Чехова чувствуется две противоположные тенденции: во-первых, недовольство характером его творчества и надежда его исправить («Г. Чехов <...> пренебрег литературной школой и литературными образцами авторитетов; пренебрег художественными вкусами читающей публики, быть может, и дурными, но все же господствующими» (Р-ий 1892) и, во-вторых, невольное подчинение обаянию его таланта, когда те же люди чувствуют себя просто читателями. Эта двойственность вполне четко отразилась в постановлении академической комиссии, которая 7 октября 1888 г. присудила Чехову половинную Пушкинскую премию: «...рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяют требованиям высшей художественной критики, представляют однако же выдающееся явление в нашей современной беллетристической литературе» (Цит. по: Чехов Сочинения 1976. 465). Выдающееся явление, которое не удовлетворяет требованиям художественности!

Отношения Чехова с его «друзьями-критиками» развивались в рамках сложного сюжета. Поскольку в 1880-е гг. формировала репутации писателей профессиональная направленческая критика толстых журналов, а центром этой критики был Петербург, то и первым признанием Чехов обязан именно Петербургу. Приезды в Петербург, знакомство с Короленко, Михайловским, возможность печататься в «Новом времени», «Северном вестнике» и пр. знаменовали быстрое признание в литературных кругах. Чехов в это время часто говорил о своей славе: «Все говорят, а вдруг это неправда»; потому с недоумением смотрел на восторги вчера еще не ведавшего его читателя и не раз повторял: «Вот еще нашли... Это все Григорович с Бежецким выдумали, а Суворин поверил... Талант! А я уж сколько времени так пишу...» (Немирович-Данченко 1910. 401).

Но в ответ за признание Петербург потребовал, именно потребовал, многого! Критики полагали, что Чехов, безусловно, талант, но он нуждается (тем более что Чехов малообразован в социальном и политическом плане,

неотесан, не умеет вести себя в литературе) в огранке. И роль воспитателя хотели взять на себя практически все. Отсюда недоумение Чехова: «Рецензий было много, и между прочим в «Северном вестнике». Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? «Талант! талант! но тем не менее упокой господи его душу» – таков смысл рецензий» (Чехов Письма 1975. 118 – 119). Именно с «воспитательной целью» обратились к Чехову с известными письмами Д. Григорович, Н. Михайловский, видимо, грела душу Суворина роль Пигмалиона при молодом Чехове. Главное, что вызывало настороженность – это очевидная самостоятельность Чехова, явное нежелание и неумение быть покорным учеником. Так, Н.К. Михайловский, прочитавший «Степь» в корректуре, написал Чехову письмо с попыткой повлиять на него: «Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем <...> не сознавая своей огромной силы», – и призывал Чехова уйти из изданий, с которыми от сотрудничал. Чехов, судя по всему, ответил ему, защищая свою независимость (Михайловский 1914. 216–217).

Интересна история письма, написанного Чехову Д. Григоровичем, который якобы первым поддержал молодого писателя. Версия о том, что Чехова открыл именно он, закрепилась не без постоянных публичных напоминаний самого Григоровича – будучи сентиментальным, восторженным и наивно – эгоистическим человеком, он не упускал случая поговорить об этом. И. Потапенко вспоминал: «Мне памятен один приезд в Москву покойного Д.В. Григоровича. <...> Само собою разумеется, что был специальный расчет на присутствие в Москве Антона Павловича. С одной стороны, хотелось показать петербургскому литератору лучшее, что есть в литературной Москве, и чем она гордится, а с другой – имели в виду особые отношения между Чеховым и Григоровичем. Ведь старый писатель первый заметил талант Чехонте в его маленьких рассказах, печатавшихся в сатирических журналах, обратил на него внимание Суворина, написал ему трогательное отеческое письмо. Антону Павловичу все это было поставлено на вид – и уж само собой разумеется, что он будет украшением «филиального

чувствования». А.П. впал в мрачность <...> «Так я завтра уезжаю». – Я возмутился: «Как же так? Григорович, его письмо... Такие отношения... Наконец, разочарование Лаврова и всех прочих...». И тут он начал приводить свои доводы: «Ведь это понятно. Я был открыт Григоровичем и, следовательно, должен сказать речь. И при этом непременно о том, как он меня открыл. Иначе же будет нелюбезно. Голос мой должен дрожать, и глаза наполниться слезами. Я, положим, этой речи не скажу, потому что не умею. Но встанет Лавров – и расскажет, как Григорович меня открыл. Тогда подымеется сам Григорович, подойдет ко мне, протянет руки и заключит меня в объятия и будет плакать от умиления. Старые писатели любят поплакать. Ну, это его дело, но самое главное, что и я должен буду плакать, а я этого не умею. Словом, я не оправдаю ничьих надежд». На обеде сам Григорович заговорил о том, как он писал Чехову, как открыл его талант и т.п. (Потапенко 1914. 512 – 513).

Чехов в ответном письме Д. Григоровичу в 1886 г. жаловался: «У меня в Москве сотни знакомых, между ними два десятка пишущих. И я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. <...> Если мне пойти туда и прочесть хотя кусочек Вашего письма, то мне засмеются в лицо» (Чехов Письма 1974. 218). Но... Чехов сам читал письмо Григоровича приятелям, познакомил с ним и В.Г. Короленко. Амфитеатров считал, что знаменитое ответное письмо Чехова – это литературное произведение: «В московских литературных кругах уважали и ценили Чехова задолго до письма Григоровича. <...> Да и читалось это письмо. Не помню, читалось ли оно в кружке, но в Москве о нем очень знали. И Чехов из него секрета не делал. И, конечно, не встречал никаких насмешек, а напротив, самое живое и радостное сочувствие. Мы же, молодые, были прямо в восторге, что Чехову начинает везти. Однажды даже шампанское пили по этому случаю: Курепин, Чехов, я, Евгений Пассек, Гиляровский» (Амфитеатров б.г. 142–143).

Скорее всего, после похвал и восторгов Григоровича А.С. Суворин решил пригласить Чехова в «Новое время». Знаменитое письмо Григоровича было

получено Чеховым 26 марта 1886 г., после первых публикаций в «Новом времени» и письма Суворина со словами поддержки. Потому письмо написано для того, чтобы продемонстрировать приоритет в открытии Чехова, которое в глазах широкой читающей публики могло уже закрепиться за Сувориным. В подтексте этого письма звучала как раз мысль о том, что руководителем Чехова потому должен считаться именно он.

Произведения Чехова постоянно вызывали резкие упреки «пигмалионов», например, В. Короленко, также претендовавшего, по праву «старшего» и уже отбывшего ссылку в Сибири, на роль чеховского руководителя. Чехов казался «подозрительным», «не нашим», каковым, он собственно, и был по отношению к тому типу властителей дум, который сложился к 1880–м гг. Каждый взявший на себя роль литературного наставника Чехова советовал ему бросить многописание и взяться за большую вещь – роман. Это общее «ожидание романа» долгое время сказывалось на литературной репутации Чехова. Представление о том, что Чехов пишет много, скоро, не отделявая, родилось на потому, что мысль об этом была удобна его «пигмалионам»: была возможность проявить свою заботу о Чехове, была сфера применения сил – научить Чехова хорошо писать. Позже, в мемуарах Короленко, Суворина, которые и сообщили первыми в июле 1904 г. о том, что Чехов мог лежать в купальне написать любой рассказ и не правя отправить его в редакцию (именно эти мемуары и цитируются чаще всего биографами раннего Чехова), сказало их раздражение от чеховского непослушания. Так что достоверность их свидетельств, которые считаются весьма авторитетными из-за безупречной репутации Короленко и долгой дружбы Суворина с Чеховым, должна быть скорректирована с учетом того, что под влиянием их обиды, быть может, даже глубоко затаенной, они оба поставили акценты так, что представления современников и потомков о раннем Чехове оказались весьма неточными.

Потому личное общение с Чеховым опосредованно сказывалось на концепциях критических статей. Чехов оказался непослушным, нежелающим быть ведомым. Обида руководила его старшими друзьями и отражалась как в

их собственных критических статьях, так и... в сплетнях: те же люди, которые писали «критику» на Чехова, распространяли в околослитературных кругах сплетни. Возникли слухи о меркантильности Чехова, видимо, обсуждалось, не без преувеличений, и его донжуанство, неумение и нежелание соблюдать принятый этикет по отношению к авторитетам и т.д. Среди тех, кто распространял эти слухи, были, судя по письмам писателя и намекам в мемуарах, не только литературные конкуренты, но и те же чеховские «пигмалионы»: Суворин, Григорович и пр. Распространилось и мнение о том, что талант его не в меру преувеличен друзьями: «Давно не приходилось присутствовать при таком полном провале пьесы. Это тем замечательнее, что пьеса принадлежит перу талантливого автора, хотя, быть может, и не в меру возвышенного друзьями. О, эти друзья талантливых авторов!» (Номо Novus 1996)

В мемуары проникали отголоски отношения к нему в литературных кругах – как к чудаку, от которого можно ждать чего угодно и к словам которого можно не относиться всерьез. Самая знаменитая сплетня, конечно, о «Риме и травке», которую усердно распространяли Суворин и чета Мережковских: «Через много лет большой его почитатель А.С. Суворин, ревниво отыскивавший новые таланты, повез его в Венецию. В моей записной книжке сохранился рассказ старика о Чехове: «Вот уж не ожидал: Антон Павлович ни на что не смотрел. Больше с Алешей на балконе, над Canal Grande в винт играл. Мне так хотелось, чтобы он хоть памятник Кановы посмотрел. Помните, на пьядца деи Фрари. Взял с него слово. Утром спрашиваю: – Видели? – «Видел!» – Ну что же? – «Хоть сейчас на Волково кладбище!» Я даже плюнул. А потом узнал: он там и не был. Купил себе открытку с этим монументом и успокоился. Упрекаю его. – «А зачем мне. Я ведь не собираюсь открывать мастерскую надгробных памятников для рогожских купцов». <...> А на пьядца Сан Марко. Собор весь в золоте заката. Фрески живут. Нероновская квадрига на лазури – вот-вот бронзовые лошади ринутся... А он: «Голуби то, – радуется, – совсем как у нас на Собачьей площадке» (Немирович

– Данченко 1929. 4). Другой мемуарист вспоминал: ««Голубушка, – говорил он мне как-то в Петербурге, в суворинской квартире, разгребая угли в камине. – Женитесь на нормальной женщине. Все эти (он назвал одно известное в литературе женское имя) – бог с ними. Поселитесь в Малороссии, она будет пироги печь, кур разводить, гусей... хорошо!» Помнится, иногда такие замечания огорчали его почитателей. Помилуйте, Чехов и вдруг такие обывательские речи! <...> Приговор был произнесен немедленно: талант талантом, а "душа купеческая"» (Червинский 1918). А вот еще одно наблюдение: «Антон Павлович, узнав от меня о моей поездке, стал подробно расспрашивать меня о маршруте. <...> «Вы правильно сделали, что едете на Кавказ. Это лучшее путешествие. С Кавказом ничего не может сравниться, не думайте, что Альпы лучше Кавказа; Дарьяльское ущелье – это такое место, какого не найдете нигде в Европе. Ни Ривьера, ни Швейцария, ни Италия даже в сравнение не могут идти с Кавказом». А когда он узнал, что я еду с двумя мужчинами, то заметил: «Лучше с одним... с одной... дамой. Берите на Кавказ с собой даму!..» <...> После такого восхваления Кавказа поднялся спор. Присутствовавшие, за исключением меня, обрушились на А.П. Чехова, доказывали, что за границей удобнее, культурнее, лучше, что на Кавказе нет воды, слишком высока снеговая линия и т.п., но Антон Павлович стоял на своем и нисколько не поддавался никаким доводам. Отнесено было на счет его оригинальности оправдание: «Ну, это Чехов говорит». Так никто никого и не убедил» (М.Л. 1910).

В истории литературной репутации Чехова есть момент, когда раздражение старших литературных друзей было крайне опасным: это начало 1890-х гг. Период ожидания от Чехова «большого произведения» и чего-то, что подтвердило бы надежды критики, закончился. Если начинающему талантливому беллетристу много прощали, то теперь еще молодому, но известному автору не прощали того, что он не подчинился, продолжает писать «по – своему», не желает писать так, как требует «художественная теория». Критика постоянно пишет об упадке таланта, о том, что Чехов не отказался от

прежних отрывочности, силуэтности, так и не научился писать что – то цельное и стройное. В 1892 г. один из критиков прямо писал, что прежние произведения Чехова, «как известно», писались наскоро, по случайному поводу, теперь же критика ждет от него продуманных вещей: «Тут решается некоторым образом «быть или не быть»? Оправдал ли г. Чехов надежды, возлагавшиеся на него, и можно ли, по крайней мере, еще надеяться, что он их оправдает впоследствии?» (Южный 1892). Ряд произведений прошел практически незамеченным: это «Рассказ неизвестного человека», «Попрыгунья» активно обсуждалась в Москве в связи с прототипами рассказа, но почти не обсуждалась с художественной стороны, почти незамеченными прошли «Три года», «Бабье царство». Практически каждый пишущий о Чехове вынужден был делать оговорки и отмечать талантливость и «художественность» его рассказов – но эта загадочная «талантливость» существовала словно сама по себе, независимо от всего остального, что вызывало только лишь сомнения...

Первая волна славы, как это часто бывает при открытии таланта, затухала, отношение к Чехову становилось стабильным. Необходима была вторая волна успеха. Нужны были произведения, которые резко потрясли бы общество, «выстрелили» так, что вызвали бы вторую волну славы и закрепили литературную репутацию писателя на новом, более высоком уровне. И такие произведения появились. По общему мнению, это «Палата № 6» и «Мужики», вызвавшие восторг и читателей, и критики. Именно в этих произведениях проявились в наиболее совершенной, концентрированной и осознанной форме те особенности поэтики Чехова, которые обладали особой силой эмоционального воздействия на читателя вплоть до его полного подчинения автору: «Но твои «Мужики» – величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, по крайней мере для русского человека <...> Удивительно высок и целен твой талант в «Мужиках». Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного, шекспировского рисунка; точно ты не писатель,

а сама природа (подчеркнуто нами. – Л.Б.) <...> Я чувствую в «Мужиках», какая погода в тот или иной день действия, где стоит солнце, как сходит спуск к реке. Я все вижу (выделено адресантом – Л.Б.) без описаний, а фрак вернувшегося «в народ» лакея я вижу со всеми швами, как вижу бесповоротную гибель всех его, Чигильдеева, светлых надежд на жизнь в палатах Славянского Базара. Я никогда не плачу: когда он надел и затем уложил фрак, я дальше долго не мог читать», – писал Чехову А.И. Сумбатов – Южин (Записки 1941. 62).

Заключение

В полемике вокруг А.П. Чехова между критикой и читателями победил массовый демократический интеллигентный читатель.

Пока профессиональную критику различных направлений раздражает литературная дерзость Чехова, растет интерес к Чехову со стороны читателя. Впервые именно читатель определил литературную репутацию писателя, проигнорировав мнение литературных авторитетов. Как свидетельствовал А. Измайлов: «Надо вспомнить исключительное положение Михайловского в тогдашней литературе и общественности, чтобы оценить значение этих расхолаживающих, скупых слов для Чехова. Он был буквально последний из «стаи славных». Про него говорили «magister dixit», «учитель». Молодежь знала из него целые страницы и спорила «по Михайловскому». В журналистике и газетном мире прислушивались к его камертону. Одно его слово выдвигало писателя на степень известности, и одно слово навсегда убивало. К несчастью Чехова, которому это стоило дорого, первый критик его времени не поддержал его, не понял, заподозрил прогрессивность его взглядов и вкусов, отнесся к нему с осторожной и скупой сдержанностью и не только не поддержал, но, можно сказать, отверг <...> Даже после «Палаты № 6» и «Мужиков» Михайловский не более как снисходил к слишком очевидному таланту, но не записывался в его поклонники <...> Читающее общество на этот раз пошло не только мимо первого критика, но и наперекор ему»

(Измайлов 1916. 310–311). Литературные «пигмалионы» были тем более раздражены, к тому же у них появился повод для обвинений писателю: его произведения вызывают чисто эмоциональный восторг, но с рациональной точки зрения в них нет ничего достойного.

Именно это объясняет мысль, высказанную И.Н. Сухих (Сухих 2002.39) о парадоксе в восприятии Чехова, когда критика колебалась в оценке его произведений, а литературная репутация росла – просто колебались в оценке Чехова одни, а популярность в это время создавали другие, чье мнение обычно остается за пределами внимания исследователей восприятия Чехова литературной критикой. При этом отношение к Чехову как человеку и писателю со стороны обиженных «пигмалионов» оказалось важнейшим фактором формирования его литературной репутации: они поставили вопрос о том, случайной или закономерной была слава Чехова, определив этим направление споров о писателе на несколько десятилетий.

Литература.

- Амфитеатров А. (без года). *Тризна*. М., б.г., С.142–143.
- Боборыкин П.Д. (без года). *Вст речи с Чеховым (Из запаса памяти)*. Машинописная копия. РГАЛИ. Ф. 549. Оп. 1. Ед. хр. 327. 18 лл.
- Брюсов В.Я. (1960). *Письма к В.С.Миролюбову (подгот. А.Б. Муратовым)* // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. № 5. С. 177.
- Волынский А. (2011). [Воспоминания] // Наше Наследие. № 98. Электронный ресурс. Реж им дост ула: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2011-98.php>
- Гипшиус З. (1900). *Торж ест во в чест ь смерт и. «Альма», трагедия Минского* // Мир искусства, ж., СПб., № 17–18. – С. 85–94.
- Гудков Л., Дубин Б., Страда В. (1998). *Лит ерат ура и общест во: введение в социологию лит ерат уры*. М., Российск. гос. гуманит. ун – т.
- Записки От дела рукописей Государст венной библиот еки СССР им. В.И. Ленина* (1941). М., «Госполитиздат».
- Измайлов А. (1916). *Чехов. Биографический набросок*. М., 592 с.

- Номо новус [Кугель А.]. (1896). *Александринский театръ. Бенефис г-жи и Левкеевой «Чайка», ком. в 4 д. Ант. Чехова* // Петербургская газета. № 288 – 289, 18–19 октября.
- М.Л. [Лавров М.В.] (1910). *А.П. Чехов в девяностых годах: по личным воспоминаниям* // Туркестанские ведомости. № 46.
- Михайловский Н.К. (1890). *Письма о разных разностях* // Русские ведомости, газ. М., № 104, 18 апреля.
- Михайловский Н.М. (1914). [Письмо к А.П.Чехову] // Слово / под ред. М.П. Чеховой. – Сб.2. – М., Кн-во писателей в Москве, С. 216–217.
- Немирович–Данченко Вас.И. (1929). *Мои вступительные речи с Чеховым* // Сегодня. Рига., 15 сентября. № 256. – С. 4.
- Немирович – Данченко Вас. И. (1910). *Памятка о Чехове* // Чеховский юбилейный сборник. М., С. 395–405.
- Ничипоров И.Б. (2005). *Спор о типах художественного мышления (Валерий Брюсов о Чехове)* // Молодые исследователи Чехова. 5: Материалы международной научной конференции (Москва, май 2005 г.). М., Изд-во "МГУ".
- Перцов П.П. (1893). *Изъяснение вчерашней* // Русское богатство, ж. – СПб., № 1. – С. 39–71 вт. паг.
- Потапенко И. (1914). *Несколько лет с А.П. Чеховым: К 10 – ю со дня его кончины* //Нива., № 26. – С. 512–513.
- Р – ий. (1892). *Смелый талант* // Гражданин. СПб., № 34, 3 февр.
- Сухих И.Н. (2002). *Сказавшие «Э!» Современники читают Чехова* // А.П. Чехов: Pro et contra: Антология. СПб., Изд-во русского православного гуманитарного института. С. 5–44.
- Червинский Ф.А. (1918). *Вступительные речи с А.П. Чеховым* // Понедельник «Народного слова». М., № 4.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т., М., Изд-во "Наука", 1974 – 1983. Т. 1. Письма, 1875–1886., М., Изд-во "Наука", 1974. — 584 с.*
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., Изд-во "Наука", 1974 – 1983. Т. 2. Письма, 1887— сентябрь 1888. М., Изд-во "Наука", 1975. — 584 с.*
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., Изд-во "Наука", 1974–1983. Т.3. Письма. М., Изд-во "Наука", 1976. – 575 с.*
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М., Изд-во "Наука", 1974–1982. Т. 4. [Рассказы. Юморески], 1885–1886. 1976. – 552 с.*

- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т., М., Изд-во "Наука", 1974–1982. Т.6. [Рассказы. Повести], – 736 с.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т., М., Изд-во "Наука", 1974–1982. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888–1891. – 1977. – 735 с.
- Южный М. [Зельманов М.Г.] (1892) *Новые произведения г. Чехова* // Гражданин, журнал – газета. СПб., № 21, 21 января.

Bibliography

- Amfiteatrov A. (bez goda). Trizny. M., b.g., S.142–143.
- Boborykin P.D. (bez goda). Vstrechi s Chehovym (Iz zapasa pamjati). Mashinopisnaja kopija. RGALI. F. 549. Op. 1. Ed. hr. 327. 18 ll.
- Brijusov V.Ja. (1960). Pis'ma k V.S.Miroljubovu (podgot. A.B. Muratovym) // Literaturnyj arhiv. Materialy po istorii literatury i obshhestvennogo dvizhenija. № 5. S. 177.
- Volynskij A. (2011). [Vospominanija] // Nashe Nasledie. № 98. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2011-98.php>
- Gippius Z. (1900). Torzhestvo v chest' smerti. «Al'ma», tragedija Minskogo // Mir iskusstva, zh., SPb., № 17–18. – S. 85–94.
- Gudkov L., Dubin B., Strada V. (1998). Literatura i obshhestvo: vvedenie v sociologiju literatury. M., Rossijsk. gos. gumanit. un – t.
- Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im. V.I. Lenina (1941). M., Gospolitizdat.
- Izmajlov A. (1916). Chehov: Biograficheskij nabrosok. M., 592 s.
- Homo novus [Kugel' A.]. (1896). Aleksandrinskij teatr. Benefis g-zhi Levkeevoj «Chajka», kom. v 4 d. Ant. Chehova // Peterburgskaja gazeta. № 288 – 289, 18–19 oktjabrja.
- M.L. [Lavrov M.V.] (1910). A.P. Chehov v devjatisjatyh godah: po lichnym vospominanijam // Turkestanskije vedomosti. № 46.
- Mihajlovskij N.K. (1890). Pis'ma o raznyh raznostjah // Russkie vedomosti, gaz. M., № 104, 18 aprelja.
- Mihajlovskij N.M. (1914). [Pis'mo k A.P.Chehovu] // Slovo / pod red. M.P. Chehovej. – Sb.2. – M., Kn-vo pisatelej v Moskve, S. 216–217.
- Nemirovich–Dančenko Vas.I. (1929). Moi vstrechi s Chehovym // Segodnja. Riga., 15 sentjabrja. № 256. – S. 4.
- Nemirovich – Dančenko Vas. I. (1910). Pamjatka o Chehove // Chehovskij jubilejnyj sbornik. M., S. 395–405.

- Nichiporov I.B. (2005). Spor o tipah hudozhestvennogo myshlenija (Valerij Brjusov o Chehove) // Molodye issledovateli Chehova. 5: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, maj 2005 g.). M., Izd-vo "MGU".
- Percov P.P. (1893). Izzjany tvorchestva // Russkoe bogatstvo, zh. – SPb., № 1. – S. 39 – 71 vt. pag.
- Potapenko I. (1914). Neskol'ko let s A.P. Chehovym: K 10 – ju so dnja ego konchiny //Niva., № 26. – S. 512–513.
- R – ij. (1892). Smelyj talant // Grazhdanin. SPb., № 34, 3 fevr.
- Suhij I.N. (2002). Skazavshie «Je!» Sovremenniki chitajut Chehova // A.P. Chehov: Pro et contra: Antologija. SPb., Izd-vo russkogo pravoslavnogo gumanitarnogo instituta. S. 5–44.
- Chervinskij F.A. (1918). Vstrechi s A. P. Chehovym// Ponedel'nik «Narodnogo slova». M., № 4.
- Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t., M., Izd-vo "Nauka", 1974 – 1983. T. 1. Pis'ma, 1875–1886., M., Izd-vo "Nauka", 1974. — 584 c.
- Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. M., Izd-vo "Nauka", 1974 – 1983. T. 2. Pis'ma, 1887— sentjabr' 1888. M., Izd-vo "Nauka", 1975. — 584 c.
- Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. M., Izd-vo "Nauka", 1974–1983. T.3. Pis'ma. M., Izd-vo "Nauka", 1976. – 575 c.
- Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t. M., Izd-vo "Nauka", 1974–1982. T. 4. [Rasskazy. Jumoreski], 1885–1886. 1976. – 552 s.
- Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t., M., Izd-vo "Nauka", 1974–1982. T.6. [Rasskazy. Povesti], – 736 s.
- Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t., M., Izd-vo "Nauka", 1974–1982. T. 7. [Rasskazy. Povesti], 1888–1891. – 1977. – 735 s.
- Juzhnyj M. [Zel'manov M.G.] (1892) Novye proizvedenija g. Chehova // Grazhdanin, zhurnal – gazeta. SPb., № 21, 21 janvarja.a.

شکل‌گیری شهرت ادبی آ. پ. چخوف در روسیهٔ پایان سدهٔ نوزدهم و آغاز سدهٔ بیستم

لیا بوشکانتس*

دانشیار دانشگاه فدرال کازان.

کازان، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه 2015؛ تاریخ پذیرش: اوت 2015)

مقاله حاضر به بررسی یکی از جوانب شکل‌گیری شهرت ادبی آ. پ. چخوف در زمان حیات او می‌پردازد. با وجود آنکه سرنوشت ادبی چخوف، داستان موفقیتی ساده و پیش‌پافتاده می‌نماید اما در حقیقت، شهرت یافتن او مسئله‌ای پیچیده و دشوار است که در آن عوامل ادبی، غیرادبی، تاریخی و ویژگی‌های روان‌شناختی اجتماعی خوانندهٔ روشنفکر دخیل هستند. برخی از این عوامل در واقع انعکاس‌دهندهٔ نظام‌های پروسهٔ ادبی هستند که در آن نقش حادثه و اتفاق نمود پیدا می‌کند. چالش میان نقد حرفه‌ای و خوانندهٔ روشنفکر و آزاد، در شکل‌گیری شهرت ادبی این نویسنده نقشی اساسی ایفا کرد؛ همین خوانندگان روشنفکر بودند که برخلاف نظر منتقدان، شهرت ادبی چخوف را تعیین می‌کردند. برای درک این فرآیند، علاوه بر مراجعه به منابع نقد ادبی اواخر سدهٔ نوزدهم باید منابع گوناگونی که به‌نوعی روحيات خوانندگان را نشان می‌دهند و پیش‌ازاین وارد چرخهٔ ادبی نشده بودند، نیز بررسی شوند؛ منابعی چون مقالات ادبی، نامه‌های خوانندگان به چخوف، هجوهای روزنامه‌ای و مقالات فکاهی تنقیدی و غیره. تاکنون دربارهٔ تحلیل شکل‌گیری شهرت ادبی چخوف در فضای چالشی اشاره‌شده، پژوهشی انجام نشده است.

واژگان کلیدی: چخوف، شهرت ادبی، نقد ادبی، نقش خواننده در فرآیند ادبی.

* E-mail: lika_kzn@mail.ru